

М. Яхьятур,

Тегеранский университет, Иран,

Г. Токарев,

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,

Д. Карими-Мотаххар,

Тегеранский университет, Иран

«Пока ты не один, Гафиз еще живет...»

Михаил Алексеевич Кузмин (1872–1936) поэт, прозаик, драматург, переводчик, критик, композитор, будучи тесно связанным с представителями символизма, был увлечен загадочным, неизвестным, манящим в мир некой тайны. Культура Востока для поэта стала особым пространством, созвучным с теми идеалами, что были ему дороги.

В стихотворениях, связанных с Хафезом,¹ обнаруживается своеобразный отклик Кузмина на тот литературный кружок, который появился в 1906 году, просуществовал до 1907 года и получил название «Друзья Гафиза» (или сокращенно «Гафиз»). Это именование связано было с именем персидского поэта Хафеза Ширази (ок. 1325–1389/1390), чья мистическая и философская лирика оказалась очень близка в своем звучании, интонации, образах русским поэтам-символистам. Тому, как возникло и жило это литературно-культурное общество (рождение которого соотносится с деятельностью поэтов, общавшихся на знаменитой «Башне» Вяч. Иванова) посвятил свою работу «Петербургские гафизиты» современный исследователь Н. А. Богомолов.²

Не только мистическая и философская лирика Хафеза, но еще жанр и сама сложная форма «газэлы» Хафеза и Саади, другого поэта из Ширази, «города поэзии», привлекает к себе внимание Кузмина.

По словам Игоря-Северянина (поэта, совсем не близкого Кузмину), только Кузмин сумел мастерски овладеть жанром газэлы:

Ты любишь ли звенья персидских газэлл — изыска Саади?
Ведь только Кузмин был восторженно-смел с изыском Саади.³

В. А. Котельников считает, что «реальное познавательное освоение Ближнего Востока началось с паломническим движением на Святую Землю, которое, естественно, проходило через разные ближневосточные земли и оставило следы в путевых записках и воспоминаниях <...> Поэты рубежа столетий и первой половины XIX в. творчески преодолевали дистанцию между двумя этнокультурными и этноконфессиональными мирами и в ряде произведений то в форме стилизаций, то с использованием мотивов и реалий жизни ближневосточных народов разрабатывали тему в разных жанрах».⁴

У Кузмина есть цикл лирических стихотворений (стоящий несколько особняком в его творчестве). Он называется «Венок вёсен» и входит во вторую часть поэтического сборника «Осенние озера» (М.: Скорпион, 1912).⁵ Это собрание газэл, написанных на «восточные мотивы». Из тридцати лирических стихотворений этого сборника⁶ несколько определенно проникнуты духом Востока, в том числе Персии (Ирана). В лирических стихотворениях («Кто видел Мекку и Медину – блажен!»;⁷ «Нам рождение и кончину – всё даёт Владыка неба»⁸) даже на поверхностный взгляд очевидно знакомство Кузмина с восточной религией и культурой, в данном случае, с исламом.

В стихах Кузмина часто встречаются слова, характерные для персидской поэзии (образы кравчего, соловья, розы, томной неги и др.). Ряд лирических стихотворений в «Венке вёсен», например, «Цветут в саду фисташки, пой, соловей!»,⁹ сочинены в подражание Хафезу. В других стихотворениях цикла также чувствуются элементы поэтики Хафеза, ощущается некий общий энтузиазм, присущий в целом его лирической поэзии.

Для текстов Кузмина-символиста характерна тропеическая образность, сложная, допускающая множественность интерпретаций метафорика, неоднозначно прочитываемый подтекст. Он нередко увлекается языковыми экспериментами, усложняющими формальную структуру текста. Это в особенности характерно для творческой эпохи 1908–1909 годов, когда Кузмин особенно увлекался освоением

сложных стихотворных форм европейской поэзии (сонет, канцона, рондо, триолет и др.), свидетельством чему служат многие стихотворения, включенные в сборник «Осенние озера». С этой стороны — освоения сложной формы восточной (персидской) поэзии — газелы с редифом — можно рассматривать и «Венок весен». Стихи характеризуются лингвистической девиантностью, основанной на нарушении норм. Сложные смыслы формируются нередко на основе блендинга разноаспектных знаний.

Здесь нельзя не обратить внимание снова на роль «Башни» Вяч. Иванова. С точки зрения Н. А. Богомолова, это был один из самых известных культурных символов Серебряного века: «“Башня” Вячеслава Иванова давно превратилась в один из известнейших культурных символов того, что до сих пор часто называется “серебряным веком”».¹⁰

Хотя сообщество Башни, по словам Кузмина, просуществовало недолго, но его достижения были поразительны. «Влияние его, однако, если посмотреть теперь назад, было более значительно, чем это можно было предполагать, и распространялось далеко за пределы нашего кружка».¹¹

У Кузмина ряд стихотворений так или иначе посвящен Персии. Эти стихи в основном написаны под влиянием Хафеза, само имя которого имплицитно обозначало в русской культуре со времен А. А. Фета персидского лирического поэта.

Стихотворение «Персидский вечер» (1917) Кузмина овеяно духом Персии.

Смотрю на зимние горы я:
Как простые столы, они просты.
Разостлались ало-золотоперые
По небу заревые хвосты.
Взлётыш стада фазаньего,
Хорасанских, шахских охот!
Бог дает — примем же дань Его,
Как принимаем и день забот.
Не плачь о тленном величии,
Ширь глаза на шелковый блеск.
Все трещотки и трубы птичьи
Перецокает соловьиный треск!¹²

Горы представлены метафорой стола, который выступает символом дружбы, беседы, праздного времяпрепровождения. Одной из

главных стилевых черт символизма является использование колоративов: ало-золотоперый, заревой, шёлковый блеск — такова палитра описываемого вечера:

Разостлались ало-золотоперые
По небу заревые хвосты.
Взлётывш стада фазаньего,
Хорасанских, шахских охот!¹³

Стихотворение выражает философскую установку: всё благодарно принимать, помнить о том, что всё в мире тленно, любоваться закатами и верить в то, что любовь всё победит. В стихотворении обыгрывается символика птиц: фазан (ср. также 20-ю газелу из «Венка вёсен» — «Алость злата — блеск фазаний в склонах гор!»)¹⁴ выступает знаком добродетели, процветания, доброты, красоты; соловей («Все трещотки и трубы птичьи / Перецокает соловьиный треск!») — символом любви и обновления.

В трёх стихотворениях: «Друзьям Гафиза» (1906),¹⁵ «Взглянув на тёмный кипарис, пролей слезу, любивший!» (из «Венка вёсен», 1908) и «Нежной гирляндюю надпись гласит у карниза» (1906) особый взгляд Кузмина, осознанно или подсознательно, на Хафеза и восточное настроение совершенно очевиден. Его лирика, как кажется, была очень близка по своей мелодике и характеру поэтам Серебряного века (от Вяч. Иванова до Хлебникова). Это заставило их обратиться к лирическим стихам Хафеза.¹⁶

В стихотворении «Друзьям Гафиза» (1906) имя персидского поэта используется как прецедентное, символизирующее дружбу, любовь, общение:

Нас семеро, нас пятеро, нас четверо, нас трое,
Пока ты не один, Гафиз еще живет.
И если есть любовь, в одной улыбке двое.
Другой уж у дверей, другой уже идет.

Нарциссами, левкоями покой наш был украшен,
Алела яркость губ, вился сладельный дым,
Но и лишен цветов, для мудрых он не страшен,
Богат и осиян роскошеством былым.

Пусть демон не мутит, печалью хитрость строя,
Сомненьем, что всему настанет свой черед,

Пусть семеро, пусть пятеро, пусть четверо, пусть трое...
Пока ты не один, Гафиз еще живет...¹⁷

Лирический герой (сам Кузмин) в этом стихотворении выражает идею верности тем идеалам, которые когда-то объединили его с друзьями, и теперь, когда круг участников сужается (пусть даже если это только предположение, кажимость, а не реальность), он не только не поддается унынию и печали, а напротив, ощущает вдохновенный прилив сил от осознания того, что пока есть тот из прежнего круга, кто, как и он, разделяет с ним былые идеи и мечты, идеал живет и дает начало новому кругу жизни, противостоя демону сомнения, жаждущему лишить человека радости. Посему признавая сокращение круга сторонников, поэт выступает за чистоту и верность той жизненной философии, которую подарил, объединив их в единый круг, Хафез.¹⁸

Культурные символы, например, нарцисс, символизируют (согласно древним культам) влюбленность, весну, плодородие, возрождение, левкой — неувядающую красоту. Колоратив «алый» репрезентирует идею любви и страсти. Лирический герой стихотворения уверен в том, что, несмотря на скоротечность жизни, неминуемую смерть, пока с человеком есть кто-то рядом, будет проявлять себя радость жизни.

Творчество этого персидского поэта ассоциировалось у Кузмина с особым художественным миром, в котором удивительным образом взаимодействовало пространство чувственной земной любви с его культом любимого (любимой), вина, природы, наслаждения с пространством созерцательной божественной любви, самоотречения во имя веры.¹⁹

Стихотворение «Взглянув на тёмный кипарис, пролей слезу, любивший!» воспекает ушедшую любовь. В этом стихотворении также говорится о «Солнце» Ширази («Будь ты подёнщик, будь Гафиз, пролей слезу, любивший!»):

Взглянув на тёмный кипарис, пролей слезу, любивший!
Будь ты подёнщик, будь Гафиз, пролей слезу, любивший!
Белеет ствол столба в тени, покоя стражник строгий,
Концы чалмы спустились вниз; пролей слезу, любивший!
Воркует горлиц кроткий рой, покой не возмущая,
Священный стих обвил карниз: пролей слезу, любивший.

Здесь сердце, путник, мирно спит: оно любовью жило:
Так нищего питает рис; пролей слезу, любивший!
Кто б ни был ты, идя, вздохни; почти любовь, прохожий,
И, бросив набожно нарцисс, пролей слезу, любивший!
Придёт ли кто к могиле нег заросшею тропею
В безмолвной скорби тёмных риз? пролей слезу, любивший.²⁰

Лирический герой призывает оплакать ушедшее чувство, что отражено в императивных эпифорах (редифе): пролей слезу, любивший. Для выражения идеи памяти, смерти поэт использует символы: кипарис, нарцисс, а также колоративы белый/тёмный.

По сути, Кузмин выводит в качестве наиважнейшей мысль о том, что основой бытия является движение и любовь, все меняется, но константа, некая неизменная составляющая всего – это именно любовь, подчеркивается экзистенциальная важность любви. Что бы ни делал человек, о чем бы ни размышлял человек, возвращается и он к мыслям о любви, потому что эпифорически выделяется слово «любивший», на котором фиксирует внимание читателя поэт.²¹

Символ «горлица» используется для воплощения идей верности, семейного очага.

Все эти стихи показывают, что европейские и русские писатели и мыслители через знакомство с восточной культурой обогатили культуру и литературу своих стран. «Без освоения богатейшей культуры Востока невозможно представить во всей полноте мировой и русский литературный процесс. Поэтому русские писатели в большей или меньшей степени отдали дань уважения и почитания теме Востока в своем творчестве».²²

В связи с этим можно добавить, что Хафез, «пчела Шираза» оказал большое влияние на поэта Серебряного века Кузмина. Отражение мистицизма, эстетики и мировоззрения стихов Хафеза проявляется не только в стихах Кузмина, но и в стихах других поэтов Башни.

Поэтические произведения Кузмина о Хафезе отражают использование традиционного символярия символизма, трансфер ценностей персидской культуры в русскую, актуализацию культурных установок, связанных с мировоззрением Хафеза.

¹ В русской транслитерации XIX–XX вв.: Гафиз, Хафиз, Хафез (Hafez). Последнее написание более других приближено к современному звучанию по-персидски.

² См.: *Богомолов Н. А.* Петербургские гафизиты // Серебряный век в России: Избранные страницы. М., 1993. С. 167–210.

³ Цит. по: *Яхьяпур Марзие, Карими-Мотаххар Джанолах.* Саади и русские поэты. 2-е изд. Тегеран, 2019. С. 140.

⁴ *Котельников В.* Ближний Восток в русских литературных отражениях 1750–1850 гг. // Исследовательский Журнал Русского Языка и Литератур. 2020. № 8 (1). С. 13, 30.

⁵ См.: *Кузмин М.* Стихотворения / Сост., подгот. текста и примеч. Н. А. Богомолова. СПб., 1996. С. 191–204.

⁶ При первой публикации в журнале «Золотое Руно» (1909. № 7–9) увидели свет 12 газел под названием «12 газел из “Книги газел”» (Июнь 1908).

⁷ *Кузмин М.* Стихотворения. С. 193.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 196.

¹⁰ *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 115.

¹¹ *Кузмин М.* Дневник 1934 года / Подгот. Г. Морева. М., 1998. С. 99.

¹² *Кузмин М.* Стихотворения. С. 423.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 199.

¹⁵ *Кузмин Михаил.* Стихотворения. Из переписки / Сост., подгот. текста и примеч. Н. А. Богомолова. М., 2006. С. 22.

¹⁶ *Яхьяпур Марзие, Карими-Мотаххар Джанолах.* Хафиз и русские поэты. Тегеран, 2019. С. 167–168.

¹⁷ *Кузмин Михаил.* Стихотворения. Из переписки. С. 22.

¹⁸ *Яхьяпур Марзие, Карими-Мотаххар Джанолах.* Хафиз и русские поэты. С. 170.

¹⁹ Там же. С. 168.

²⁰ *Кузмин М.* Стихотворения. С. 203.

²¹ *Яхьяпур Марзие, Карими-Мотаххар Джанолах.* Хафиз и русские поэты. С. 172.

²² *Сафиулина Р.* Ориентальные страницы ранней поэзии В. В. Набокова // Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы. 2020. № 8 (2). С. 167.